

Robert Szymula

Uniwersytet w Białymstoku

**ПОНЯТИЯ „СВОБОДА” И „СПРАВЕДЛИВОСТЬ”
КАК ПРИМЕРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

SUMMARY

**Ideas „freedom” and „justice” as examples of linguo-cultural basic units
of contemporary Russian social and political language**

The object of the analysis is the Russian social and political terminology from linguo-cultural point of view. The author shows realizations of ideas „freedom” and „justice” as basic units of Russian culture.

STRESZCZENIE

**Pojęcia „wolność” i „sprawiedliwość” jako przykłady podstawowych jednostek
lingwistyczno-kulturowych współczesnego języka społeczno-politycznego**

Obiektem analizy jest rosyjska terminologia społeczno-polityczna z punktu widzenia lingwo-kulturologicznego. Autor prezentuje realizacje pojęć „wolność” i „sprawiedliwość” jako podstawowych jednostek kultury rosyjskiej.

Формирование современной русской политической терминологии непосредственно связано с политическими процессами, происходящими в России. В качестве характерной особенности общественно-политической лексики русского языка последнего времени исследователи отмечают появление с середины 80-х годов новых лексических единиц и исчезновение

устаревших, а также наличие качественных изменений, затрагивающих семантическую структуру слов общественно-политического характера. Для советской эпохи была характерна жесткая идеологизированность, обусловленная подчиненностью плана содержания общественно-политических единиц господствовавшей в обществе единой идеологии марксизма-ленинизма. К основным процессам, происходящим в общественно-политической речи в конце XX – начале XXI века Г. А. Заварзина относит:

- перераспределение в составе активной и пассивной общественно-политической лексики русского языка, связанное с выходом из употребления слов, характерных для советской эпохи, и возрождением многих словесных единиц;
- снятие идеологизированных сем в плане содержания словесных единиц;
- изменение социальной оценочности многих общественно-политических лексических единиц;
- переориентация номинаций, в соответствии с которой общественно-политические словесные знаки, обозначавшие ранее реалии зарубежной или дореволюционной действительности, начинают употребляться для номинации российской действительности;
- разрушение прежних синонимических и антонимических отношений общественно-политической лексики и возникновение новых;
- развитие политической полисемичности и амбивалентной эмотивности многих общественно-политических слов, что предполагает наличие в плане содержания словесных знаков двух значений, различных по своей идеологической направленности и противоположных по эмоциональной (социальной) оценочности;
- расширение общественно-политической лексики за счет новых лексических единиц¹.

Одним из интереснейших подходов к проблемам общественно-политической терминологии является, несомненно, лингвокультурологический. Исследуя этот пласт лексики, лингвокультурологи замечают, между прочим, что ключевая лексика, используемая той или иной партией, стремится к тому, чтобы стать лингвокультуремой (т. е. единицей лингвокультуры, которая характеризуется многократной рефлексией по поводу содержания мельчайших единиц смысла) сначала политической сферы, а затем и всей русской лингвокультуры в целом. Иными словами, ценности отдельной политической партии претендуют на то, чтобы стать ценностями всего

1 Г. А. Заварзина, *Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80-90-е годы XX века*. Автореф. дис. канд. филол. наук, Воронеж 1998, с. 16.

общества. Анализируя общественно-политическую лексику, можно также прийти к выводу, что лексика, использованная в разного рода документах разными партиями и общественными движениями, наполняется в разных контекстах различными смыслами. Это свойство лексики – это признак того, что данная единица может претендовать на то, чтобы именоваться ее лингвокультуремой, так как смысловое наполнение лингвокультурем в принципе должно составлять проблему (только в этом случае понятия, передаваемые этой лексикой, могут представлять ценность для культуры).

Исследователи, занимающиеся изучением политической терминологии, указывают на трудности исследования слов с ценностным значением. А. Н. Баранов говорит по этому поводу: „Основная сложность, возникающая при описании семантики слов с ценностными значениями, заключается в особенностях их использования в политическом дискурсе: частое демагогическое употребление ценностных лексем „стирает” их собственное ценностное наполнение и превращает в своего рода политические ярлыки”². Ученый добавляет также: „... понятия, соотносимые с одним и тем же словом, оказываются резко противопоставлены. Кажущаяся произвольность содержательного наполнения существенно расширяет воздействующий потенциал ценностных лексем и рождает интуитивное ощущение опасности при встрече с ними”³. С. И. Виноградов высказывает похожую мысль: „В некоторых случаях использование политической терминологии приводит к своего рода лингвистическим конфликтам. Это связано с многозначностью слов, разнообразием ассоциативных связей, которые за ними закреплены („левый”, „правый”). Слово может стать знаком конфликта политического”⁴.

Материалом для нашего исследования послужили программные документы всех политических партий и движений России, зарегистрированных в 1996 году⁵. Поскольку эти документы заявлены как программные для соответствующих партий и движений, то они должны иметь некоторое содержание, касающееся представлений того или иного движения о ключевых понятиях политики. Именно поэтому можно рассматривать ключевые слова этих документов как лингвокультуремы.

2 А. Н. Баранов, *Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание)*, Москва 1990, с. 47.

3 Там же.

4 С. И. Виноградов, *Слово в парламентской речи и культура общения*, „Русская речь” 1993, № 2, с. 52-53.

5 *Политические партии и движения России*, Сост. Ю. К. Абрамов, Т. Ю. Головина, Москва 1996.

Состав лингвокультурем политической сферы определяется сложившейся ситуацией: базовые, всем известные и утвердившиеся в своих значениях социально-политические понятия перестают быть понятными и поэтому требуют специальных действий по их пониманию. В проанализированных программных документах партий и движений России можно найти истолкования данных понятий или употребление их в разных контекстах, которые могут рассматриваться как случаи опредмеченной рефлексии. На внимание заслуживает факт, что достаточно часто многие из ключевых слов заключаются в кавычки, например, „демократия”, „возрождение”, „закон”, „свобода”, что также свидетельствует о том, что ситуация требует обращения к рефлексии. Интерпретация всех этих случаев способна показать способ существования данной группы лексики как лингвокультурем политической сферы.

Наиболее значимыми в политической сфере практически любой лингвокультуры являются, несомненно, понятия „свобода” и „справедливость”. Они обычно заявляются как цель любой политической борьбы, так как они выражены одной из главных ценностей и идеалов общества. Они являются также ключевыми понятиями лингвокультуры как целого. В русской лингвокультуре эти понятия обрастают смыслами, отличными от общепринятых. Анна Вежбицкая считает, что „свобода” в русском языке может рассматриваться „как нечто такое, что произвольным образом дано другим лицом”⁶. По ее мнению, в смысловой структуре этого слова отразилась политическая история России, „деспотизм царей, отсутствие демократических структур или действенной правовой системы, в равной степени относящейся ко всем, значение произвольно осуществляемой власти и желание ускользнуть от этой власти”⁷. В подтверждение своих слов Анна Вежбицкая пишет: „Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы и связанной с ним ответственности. Само слово „свобода” понимается большинством народа как синоним слова „беспорядок”, как возможность безнаказанного совершения каких-то антиобщественных и опасных поступков”⁸. А. Н. Баранов рассматривает семантические свойства понятий „справедливость” и „свобода” как ценностные категории в различные периоды российской истории – дореволюционный, советский, „послеперестроеч-

6 А. Вежбицкая, *Семантические универсалии и описание языков*, Москва 1999, с. 458.

7 Там же.

8 Там же, с. 459.

ный”. Автор доказывает, что в указанные периоды эти понятия актуализируются в различной степени, причем это тройное противопоставление актуализирующихся ценностных категорий – новых ценностей, старых ценностей и культурно-обусловленных ценностей – сводится в общественном сознании к „... часто завуалированной конфронтации „справедливости”, „равенства” и „свободы”⁹. Существенным является факт, что в общественном сознании в настоящее время обнаруживается противопоставление двух ценностных полюсов. На одном полюсе находятся „справедливость” и „равенство”, а на другом – „свобода”. „Справедливость” (особенно „социальная справедливость”) фактически возводится в ранг государственной политики, а „свобода” занимает весьма подчиненное положение. О свободе вспоминают только в том случае, когда возникает опасность ее потерять. В. Шапошников подчеркивает, что слово „справедливость” в лексиконе советской эпохи не занимало значительного места и было привлечено к частому и концептуальному употреблению в 1980-х годах как элемент сочетания „социальная справедливость”¹⁰.

Рассмотрение лингвокультурам „свобода” и „справедливость” начнем с приведения их словарных значений:

- „Свобода – 1. Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни общества; 2. Государственная независимость, суверенитет; 3. Отсутствие крепостной зависимости, рабства; 4. Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе; 5. Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению; 6. Возможность действовать в какой-л. области без ограничений, напруг, беспрепятственно; 7. Возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества; 8. Легкость, отсутствие затруднений в чем-л.; 9. Раздолье, простор; 10. Свободное, незанятое время; досуг”¹¹.
- „Свобода – 1. Возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями; отсутствие зависимости. 2. Отсутствие ограничений, запретов”¹².

9 А. Н. Баранов, *Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание)*, Москва 1990, с. 43.

10 Б. С. Шапошников, *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва 1998, с. 120.

11 *Большой толковый словарь русского языка*, Автор и руководитель проекта, составитель, главный редактор С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 1998, с. 1161.

12 *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, Г. Н. Складневской (глав. ред.), Санкт-Петербург 1998, с. 567.

- „Справедливость – 1. к Справедливый; 2. Беспристрастное, справедливое отношение к кому-, чему-л.; 3. Соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. нормам, требованиям”¹³.
- „Справедливость – 1. см. справедливый (справедливый – 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной; 2. Осуществляемый на законных и честных основаниях; 3. Истинный, правильный); 2. Справедливое отношение к кому-н., беспристрастие”¹⁴.

Анализ программных материалов политических партий и движений показал, что лингвокультурема „свобода” реализуется в конкретных контекстах с готовыми, сложившимися ранее онтологическими картинками. Понятие „свобода” перечисляется как ценность наряду с другими ценностями общества, за которые следует бороться. Например (все примеры из сборника *Политические партии и движения России*. Сост. Абрамов Ю. К., Головина Т. Ю., Москва 1996; номер в скобках обозначает номер страницы):

- „Политическое обеспечение прав, свобод и безопасности личности” (113);
- „Свобода собственности, закон - вот те условия, которые позволят решить сложный комплекс задач, стоящих перед страной” (126);
- „ПЭС добивается осуществления в полной мере всех прав и свобод, закрепленных *Всеобщей декларацией прав человека*” (392).

При таком употреблении понятие „свобода” не осмысливается, а приводится как некоторая данность, которая ясна без всяких определений. Привычные сочетания „свобода и равенство”, „права и свободы (человека)” свидетельствуют от отсутствии в этих случаях предварительного осмысления данных понятий. Например:

- „Мы стремимся к цивилизованному развитию страны, через обеспечение прав и свобод личности, поощрение инициативы народа” (301);
- „Высшей ценностью в России признается человек, его права и свободы, семья, традиции национальной культуры, свобода и равенство религиозных верований и т. п.” (343); „Непосредственная задача международной политики России – защита прав и свободы граждан в государствах нового зарубежья” (358);
- „Субъект, которому должен быть обеспечен максимум прав и свобод, – не нация или территория, а непосредственно физическое или юридическое лицо, гражданин и производитель” (394).

13 *Большой толковый словарь русского языка*, Автор и руководитель проекта, составитель, главный редактор С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 1998, с. 1252.

14 С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 1973, с. 648.

В отдельных случаях можно заметить, что используемые понятия употребляются вместе с лозунгами-штампами, напоминающими лозунги советской эпохи. Например:

- „Демократический выбор России – партия тех, для кого понятия свободы и прав человека – не пустой звук, кто верит, что только свободный труд свободных людей может вывести страну из кризиса” (127);
- „РОС стремится к сохранению российских традиций коллективизма и ответственности личности перед обществом, борьбы за свободу, против любых форм угнетения и самовластия” (476).

В некоторых случаях обнаруживается конкретизация данного понятия. Например:

- „Гражданам должна быть обеспечена свобода в выборе законодательно равноправных форм землепользования” (312);
- „Сегодня в России невозможно добиться экономической свободы без создания политической организации, призванной отстаивать интересы свободного человека, защищать его неотъемлемые права” (389);
- „В области науки и культуры во главу угла ПЭС ставит гарантии творческой свободы” (396);
- „Конституция РФ (ст. 29) и Декларация прав человека закрепили право каждого на свободу слова, мысли, на беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений, а также право искать, получать и свободно распространять информацию” (532);
- „Интеллигент должен быть уверен в интеллектуальной свободе, в защите культуры и науки и покровительстве им со стороны не только государства, но и общества” (418);
- „Движение будет способствовать утверждению в нашей стране принципов гражданского общества, предполагающего в том числе создание гарантий политической и экономической свободы каждого, невмешательства в находящуюся в соответствии с законом деятельность массовых общественных движений, организаций, политических партий, религиозных объединений” (278);
- „В результате десяти лет, прошедших со времени начала перестройки, произошло официальное признание свободы экономической деятельности, сделавшее возможным формирование основ многоукладной экономики” (474).

В анализируемом материале нашлись также примеры употребления понятия „свобода”, которые получили не свойственные ранее оценочные характеристики, например: „Все ранее завоеванные свободы так называе-

мые демократы заменили одной, самой бессовестной свободой – свободой торговать всем от убеждений до родной земли” (207); „Принцип свободы совести должен иметь разумные пределы” (153).

Аналогичные процессы наблюдаются также при употреблении понятия „справедливость”. Интересным является факт, что практически во всех случаях „справедливость” понимается как „социальная справедливость”. Данное понятие считается общепонятным и потому не интерпретируется. Например:

- „Мы считаем, что каждое государственное решение должно быть основано на соблюдении принципа социальной справедливости” (302);
- „Партия ставит своей задачей в процессе реформирования общества обеспечить социальную справедливость, реальное народовластие, сохранить приоритет общественной собственности на средства производства” (22);
- „Наши приоритеты – это семья, достаток и частная собственность, безопасность и стабильность законов, свобода и демократия, справедливость и солидарность” (418);
- „Золотой век” единства и согласия еще не наступил, но надежды многих поколений россиян на лучшую жизнь рисуют его образ. Здравый смысл и нравственность в делах. Взаимопомощь соседей и сослуживцев, социальная защита и справедливость” (344).

В отличие от понятия „свобода”, понятие „справедливость” во многих случаях интерпретируется. Под этим понятием, однако, всегда подразумевается „социальная справедливость”. Например:

- „Наши главные цели – справедливость, предполагающая гарантированное право на труд и его вознаграждение по конечным результатам, на доступное всем бесплатное образование и бесплатную медицинскую помощь, благоустроенное жилье, отдых и социальное обеспечение” (196);
- „Справедливость – это когда люди не только знают свои права, но и знают, куда и как им обратиться, если их права нуждаются в защите. Справедливость – это когда каждый гражданин, каждый член общества имеет право и обязан участвовать в системе демократических переговорных процессов, касающихся его судьбы и судьбы его общества. Справедливость – это когда всесторонне обеспечено равенство стартовых социальных возможностей для каждого, когда каждому члену общества гарантирован равный минимум социальной защиты” (223);

- „Справедливость – это важнейший идеал ЛДПР, под которым подразумевается создание равных условий для реализации каждым гражданином своих физических и умственных способностей. Это Либерально-Демократическое общество, это общество достойного уровня жизни для каждого человека при разном уровне доходов в зависимости от способностей и трудолюбия” (244);
- „Справедливость – это признание за каждым человеком права на счастье, на беспрепятственную, не противоречащую законам деятельность и на пользование теми благами, которые она приносит, это следование добру и истине. Справедливость как психологический, правовой, нравственный, политический и экономический идеал предполагает гарантированный уровень социальной защищенности, равенство стартовых возможностей людей в жизни, равные возможности для реализации способностей и интересов каждого человека, равные права и обязанности перед законом” (476);
- „Справедливость. Справедливыми, в нашем понимании, являются такие общественные отношения, которые обеспечивают распределение общественного продукта по количеству и качеству труда, равные возможности для каждого человека развить и реализовать свои способности к общественно полезной деятельности, равную социальную защиту от превратностей судьбы” (498).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что лингвокультурема „свобода” реализуется в конкретных контекстах с готовыми, сложившимися в русской лингвокультуре ранее онтологическими картинками. „Свобода” является понятием значимым для политической сферы, в любой лингвокультуре обычно стоит в ряду ценностей общества, за которые следует бороться. В некоторых случаях обнаруживаются вербализации оценочной рефлексии. На основании материала можно, однако, судить, что лингвокультурема „свобода” не проблематизируется в политической сфере в той степени, в какой этого следовало бы ожидать, учитывая политическую ситуацию в России.

Лингвокультурема „справедливость” понимается в русской лингвокультуре как „социальная справедливость”. В конкретных контекстах можно найти многие примеры лозунгов-штампов, напоминающих предыдущую эпоху (в них реализуется старая онтологическая картина эпохи социализма).